

**РОССИЙСКОЕ МОНГОЛОВЕДЕНИЕ
В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ НАУКИ:
ЭКСПЕДИЦИИ Н.Н. ПОПЕ НА ТЕРРИТОРИИ
БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР В КОНЦЕ 1920-Х – НАЧАЛЕ 1930-Х ГГ.**

Статья посвящена экспедиционной деятельности монголоведа Н. Н. Поппе на территории Бурят-Монгольской АССР в 20–30-х гг. XX в., через призму которой показаны основные векторы исследований языка, культуры, истории монгольских народов в составе СССР, в условиях национального государственного строительства. Несмотря на значительные перемены в российском обществе после событий 1917 г., советское монголоведение 1920–1930 гг. наследует традиции российского востоковедения предшествующих периодов, продолжая, прежде всего, экспедиционную деятельность – основополагающую в сборе первоисточников, этнографического и лингвистического материалов. Ведущие специалисты первых десятилетий советского монголоведения являлись учениками выдающихся ученых российской научной школы востоковедения.

Ключевые слова: монголоведение; монгольские народы; буряты; Бурят-Монгольская АССР; Н. Н. Поппе.

Polyanskaya Oksana Nikolaevna
Buryat State University
Ulan-Ude, The Russian Federation

**MONGOLIAN STUDIES IN RUSSIA
IN THE CONDITIONS OF SOVIET SCIENCE FORMATION:
N. N. POPPE'S EXPEDITIONS THROUGH THE TERRITORY OF BURYAT-MONGOLIAN ASSR IN
THE LATE 1920S AND EARLY 1930S**

The article is devoted to the expeditions of a specialist in Mongolian Studies Nicolas Poppe on the territory of Buryat-Mongolian ASSR in 1920–1930s. These expeditions show the main directions of research the language, culture, and history of Mongolic peoples within the USSR in the conditions of national state building. Despite the significant changes in Russian society after the events of 1917, Soviet Mongolian Studies of 1920–1930s continue traditions of Russian Oriental Studies of previous periods, first of all in expeditionary activity, when primary sources, ethnographic and linguistic material are gathered. The leading specialists of the first decades of Soviet Mongolian Studies were pupils of outstanding scientists of the Russian scientific school of Oriental Studies.

Keywords: Mongolian Studies; Mongolian peoples; Buryats; Buryat-Mongolian ASSR; N. N. Poppe.

Российская революция 1917 г. положила начало коренным преобразованиям во всех сферах общества, а также национальному государственному строительству – объединению в единое государство народов, различных по языку, культуре, особенностям быта. Третий Всероссийский съезд Советов 12(25) января 1918 г. принял «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа», согласно которой, Россия объявлялась Советской республикой, учрежденной на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик. С 1920-х гг. берут начало своей истории большинство Советских Социалистических и Автономных Советских Социалистических Республик. 30 мая 1923 г. Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета принял постановление об образовании Бурят-Монгольской Автономной Советской Социалистической Республики.

Все это во многом определило основные векторы дальнейшего развития науки по изучению языка, фольклора, истории монгольских народов. Наука была призвана отвечать на практические запросы времени: «... актуальность и практическая сторона работ играют большую роль. Дело в том, что план Академии [наук] составляется исходя из практических запросов республик. Практическими актуальными работами признаются: грамматики, синтаксисы, словари (литературного языка и диалектологические), история, фольклор. Выбор, как видите большой. Меньше шансов на издание чего-либо архаичного, относящегося к древности, на пример, древние тексты, хотя и они проливают свет на историю народов...», – сообщал ученый-монголовец Н. Н. Поппе (1897–1991) своему учителю по Петроградскому уни-

верситету В. Л. Котвичу (1872–1944) [Rps. PAN Kt. Библиотека Польской академии наук и знания в г. Краков. Д. 4598. Т. 2. Л. 17], выражая надежду на то, что В. Л. Котвич присоединится к работе Института востоковедения АН СССР по созданию работ по истории и культуре калмыков, так как в Президиум АН поступила просьба правительства Калмыцкой АССР написать работу по истории «общего характера чрезвычайно необходимую» для республики [Rps. PAN Kt. Д. 4598. Т. 2. Л. 15, 22]. Очерки истории калмыков должны были включать основные исторические этапы с древности до Октябрьской революции 1917 г., т.е. структура работы должна быть «стандартного типа, принятого [для составления] истории народов СССР» [Rps. PAN Kt. Д. 4598. Т. 2. Л. 19]. Эталон, по мнению Н. Н. Поппе, могла служить монография Ф. А. Кудрявцева «История бурят-монгольского народа» (1940), удостоенная положительной рецензии в газете «Правда» за 27 октября 1940 г. [Rps. PAN Kt. Д. 4598. Т. 2. Л. 22]. Все названные события датированы 1940 г.: и переписка между Н. Поппе и В. Котвичем [Полянская, 2011], и издание научных трудов. Таким образом, к этому времени появились конкретные результаты исследовательской, экспедиционной работы по собиранию этнографических, лингвистических и фольклорных материалов народов СССР, которая интенсивно проводилась в течение 20–30-х гг. XX в., обозначенные же в письмах исследователей вопросы фактически характеризуют основные направления деятельности монгоloedных исследований на территории национальных республик.

Ряд экспедиций на территории Бурят-Монгольской АССР связан с именем Николая Николаевича

Поппе – лингвиста и этнографа, специалиста по алтайским языкам, монголоведению и тюркологии. Член-корреспондент АН СССР (1932), но прежде выпускника Петроградского университета, факультета общественных наук (1921), учителями которого были авторитетные ученые в области монголистики: В. Л. Котвич, А. Д. Руднев, Б. Я. Владимирцов. Таким образом, советское монголоведение проходила этапы своего становления с помощью ученых, получивших свою подготовку еще в дореволюционной России, и продолжали традиции прежней востоковедной науки, как известно, главной составляющей которой была экспедиционная работа. Основной задачей экспедиций Н. Н. Поппе было изучение различных диалектов бурят, разбросанных по огромной территории вперемежку с русскоязычными поселениями. Диалекты весьма различались между собой и были мало исследованы, кроме хоринского, досконально изученного А. Д. Рудневым – учителем Н. Поппе [Руднев, 1913].

Свою экспедиционную работу Н. Поппе начал с неисследованного еще аларского говора, помня слова Ц. Ж. Жамсарано, указавшего на аларский говор «как на очень интересный» [Поппе, 1928, с. 25]. 16 мая 1927 г. он писал В. Котвичу: «Собираюсь в поездку [нрзб], но если до 1-го [июня] не уеду, то в июле обязательно поеду в Аларский аймак, к бурятам» [Rps. PAN Kt. Д. 4598. Т. 2. Л. 14]. Это был район Бурят-Монгольской АССР, в 1937 г. отошедший к Иркутской области, образовав Усть-Ордынский национальный (позже автономный) округ. Н. Поппе провел лето 1928 г. [Алпатов, 1996, с. 29] на малой родине своего студента, носителя аларского говора Г. Д. Санжеева, в деревне Тайшин в 40 км от железной дороги, недалеко от города Черемхово. Там он изучил аларский диалект и записал фольклорные тексты. Результаты исследования вышли под редакцией Б. Я. Владимирцова в двух томах, первый том в 1930 г., в котором было представлено описание языка, второй – в 1931 г., где были опубликованы тексты с переводом [Поппе, Т. 1, 1930; Т. 2, 1931], и стали вторым после работы А. Д. Руднева авторитетным исследованием бурятского диалекта. Одновременно с изучением диалекта Николай Николаевич делал и этнографические зарисовки, он отмечал, что западные буряты отличаются от восточных «в культурном отношении», они незначительно подверглись влиянию ламаизма, а православие существенно проникло в их жизнь, среди них достаточно рано стало распространяться земледелие. Однако в 1920-е гг. они еще продолжали кочевать, хотя уже на небольшие расстояния, а с православием сосуществовал и буддизм, и шаманизм [Поппе, 1932, с. 151].

Следующие экспедиции Н. Н. Поппе на территорию Бурят-Монгольской АССР, а их было три, состоялись с 1930 по 1932 гг., каждое лето он выезжал в разные районы проживания бурят. В 1930 г. отправился в самую восточную часть бурятского ареала, позднее ставшего Агинским автономным округом Читинской области. Его сопровождали коллеги из Верхнеудинска (с 1934 г. Улан-Удэ): монгол Гомбожав Мэргэн-гун, его жена бурятка А. Н. Боржонова (Оюн Билиг) и студент Баханов [Алпатов, 1996, с. 29–33]. Результатом экспедиции стала книга, в основном рассматривающая фонетику агинского говора, довольно краткая из-за большого сходства в этом отношении агинского диалекта с хоринским, описанным А. Д. Рудневым. Н. Н. Поппе записал и тексты, 154 фольклорных произведения, в основном без переводов, которые подготовил и опубликовал отдельными изданиями в 1934 и 1936 гг.

Летом 1931 г. Н. Поппе вместе со своим студентом-бурятом Т. А. Бертагаевым совершил поездку по южной части Бурят-Монгольской АССР, прилегающей к монгольской границе. Эти места он уже посещал ранее (в 1926, 1927 и 1929 гг. состоялись экспедиции Н. Поппе в МНР) по дороге в Монголию, но теперь они стали местом его специальных исследований. Снова Н. Поппе передвигался на лодке по Селенге, затем посетил село Тамча на берегу Гусиного озера – территорию распространения диалекта, который он в 1930-е гг. называл селенгинским, а в работах, изданных в США, стал именовать цонголским. Поппе указывает, что это нечто среднее между бурятским и халха-монгольским: фонетика почти халхаская, но другие черты похожи на бурятские наречия [Алпатов, 1996, с. 33]. Лингвистические результаты экспедиции 1931 г. стали основой грамматики бурят-монгольского языка, увидевшей свет в 1938 г. [Поппе, 1938]. Специального описания селенгинского диалекта Н. Поппе не публиковал по той причине, что диалект было решено сделать опорным для создания бурятского литературного языка.

Завершающей стала поездка Н. Поппе 1932 г. в Баргузинский район (восточнее Байкала и севернее Улан-Удэ), его сопровождали студенты-буряты Л. Ч. Гомбоин и А. М. Хамшагалов и местный учитель З. Баторов. Несмотря на трудности путешествия в суровых условиях дикой природы, поразившие даже Н. Поппе, встречавшего на своем пути за годы экспедиций многое, удалось получить немало диалектных и фольклорных данных [Алпатов, 1996, с. 34]. Помимо этого, экспедиция записала родословные местных жителей, сохранивших память о предках в восьми-десяти поколениях. Материал 1932 г. ученый не стал издавать отдельной книгой, но они существенно обогатили его Грамматику (1938), а фольклорные тексты дополнили материалы, записанные в предыдущих экспедициях, и вышли в свет в 1936 г. Сделано было немало. Н. Н. Поппе мог с полным правом писать: «Еще несколько лет тому назад исследование бурят-монгольского языка находилось примерно на том же уровне, что до Октябрьской революции, но теперь дело настолько резко изменилось, что бурят-монгольский язык может уже с полным правом считаться всестороннейше и наилучшим образом исследованным языком из числа всех языков монгольской группы» [Поппе, 1935, с. 51].

1932 г. стал последним для Н. Н. Поппе в плане экспедиционной работы на территории Бурят-Монгольской АССР, однако он еще неоднократно бывал в Улан-Удэ в качестве консультанта по изданию эпоса «Гэсэр» и подготовки декады бурятской культуры в Москве, которая прошла в 1940 г. Кроме того, Н. Н. Поппе принимает самое активное участие в решении вопросов языкового строительства. В одном из писем к В. Л. Котвичу Николай Николаевич сообщал: «относительно моего словаря ..., с транскрипцией дело, действительно, обстоит неблагоприятно. Причиной служит частая смена алфавитов. По новому варианту монголы также переходят на русский алфавит. Издавая словарь мы, между прочим, ставим своей целью внести стабильность в транскрипцию» [Rps. PAN Kt. Д. 4598. Т. 2. Л. 30]. Делился Н. Поппе и о результатах работы в целом монгольского кабинета Института востоковедения, в частности, в письме от 2 декабря 1940 г. констатировал, что «провернули большую работу над «Джангаром»..., готовимся к такой же работе над бурятской устной «Гэсэриадой». Я делаю перевод и пишу ее исследования» [Rps. PAN Kt. Д. 4598. Т. 2. Л. 15], по итогам этой кропотливой работы эпос

был подготовлен к изданию. «В ближайшие дни уезжаю в Бурят-Монголию на 1 месяц, – читаем в письме от 22 апреля 1941 г., – в связи с подготовкой к изданию бурятского Гэсэра по типу издания Джангара» [Rps. PAN Kг. Д. 4598. Т. 2. Л. 30об]. В Улан-Удэ он пробыл с 4 мая по 1 июня 1941 г. [Rps. PAN Kг. Д. 4598. Т. 2. Л. 33], где «ознакомился с записями Гэсэра»: «всего 4 версии по 20-25 тысяч стихов. Они близки друг к другу и к хангальской [версии] (см. Потанина «Тибетско-Тангутскую окраину»). Из них выбраны самые лучшие, в смысле полноты и стиха, части, составившие сводный текст. Это будет I том. II том – русский художественный перевод. III том – Батыры Гэсэра (несколько улигеров), всего 20 печатных листов. IV том – русский художественный перевод. Иллюстрации Сампилона и Мырдыгеева. Получиться прекрасное издание ок. 120 печатных листов. Предполагается также выпустить сборник статей». Письмо с таким содержанием написал Н. Поппе В. Котвичу 14 июня 1941 г. [Rps. PAN Kг. Д. 4598. Т. 2. Л. 33] накануне глобальных мировых событий, коренным образом изменивших жизнь и судьбу многих.

Рассмотренная экспедиционная деятельность Н. Н. Поппе проходила в соответствии с требованиями времени, ознаменовавшегося значимыми преобразованиями в России. Осознавая практическую значимость монголо-

ведных исследований, ученый в своих работах актуализировал их важность: «Вопросы языкознания приобретают в настоящее время особое и даже и совершенно исключительное значение. Ведь мы являемся свидетелями культурного возрождения так называемых малых национальностей. Создается своя школа, создается своя литература, создаются даже алфавиты и литературные языки. В центре всего этого стоит, конечно, язык, ибо без языка не может быть не только национальной, но вообще какой бы то ни было культуры» [Поппе, 1928, с. 97]. Подводя некоторые итоги по изучению бурят-монгольского языка, Н. Поппе определил цели последующих исследований: «установить переход от западного наречия к восточному, изучить переходные наречия от бурят-монгольского к халхаскому, поставить проблему изучения бурят-монгольского языка в классовом разрезе», «т.е. в бурят-монгольском языке пока можно с относительной легкостью выделить элементы языка жреческого класса. С этой целью были поставлены наблюдения над языком шаманских культовых произведений. Впоследствии эту работу необходимо будет еще углубить и наблюдения распространить на язык ламства, который может быть, удастся противопоставить языку бедняцко-средняцких масс» [Поппе, 1930, с. 103].

Литература

- Алпатов В. М. Николай-Николас Поппе. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. 144 с.
- Полянская О. Н. Переписка монголоведов Н. Н. Поппе и В. Л. Котвича об основных вопросах изучения монголоязычных народов // Вестник международного центра азиатских исследований: материалы междунар. конф. «Монголия в XX веке». 18/2011. Иркутск: ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирская государственная академия образования», 2011.
- Поппе Н. Н. К изучению бурятских говоров // Жизнь Бурятии. 1928. № 10–12. С. 94–98.
- Поппе Н. Н. Новые исследования бурят-монгольского языка // Жизнь Бурятии. 1930. № 5–6. С. 100–105.
- Поппе Н. Н. Аларский говор. Т. 1. Фонетика и морфология. Л., 1930; Т. 2. Тексты. Л., 1931.
- Поппе Н. Н. Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения // Записки Института востоковедения АН СССР. М.-Л., 1932. Т. 1.
- Поппе Н. Н. Проблемы изучения бурят-монгольского фольклора // Советский фольклор. Вып. 2–3. Л., 1935. С. 51–86.
- Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 238 с.
- Руднев А. Д. Хори-бурятский говор: (Опыт исследования, тексты и перевод). Вып. 2. Тексты. СПб.: Типография В. Киришбаума (отделение), 1913. 94 с.